

На тему о героическом миросозерцании

Вопрос о миросозерцании есть вопрос величайшего и первостепенного значения. К различию миросозерцаний сводятся различия христианства и язычества, буддизма и позитивизма, человека запада и человека востока и т. п. Миросозерцание — человека, эпохи, народа — это более или менее осознанная, в последней основе всегда целостная система ответов на вопросы об отношении к окружающему миру и себе самому, об оценках, о различии добра и зла, о том как жить, что делать, к чему стремиться и т. п. Вопрос этот особенно остро встает теперь в исходе великой революции, когда ни одно из старых представлений о жизни не выдержало испытания огнем и когда в облике пореволюционной России точно действительно исполняется анархический идеал — голый человек на голой земле. — Новый, выходящий из революции человек, это *tabula rasa*, с душой притом, точно расплавленной в революционном огне: — эластичной, лепкой, податливой к формообразованию.

Но как так случилось, что в один революционный миг, точно чешуя, с тела народного слати все формы старой морали, культуры, религии, которыми он как будто жил столетия? Дело, повидимому, заключается в том, что подлинный народ только находился в этих формах, но не жил ими. И несомненно, известный отрыв народа имел место не только в отношении нашей старой западнической интеллигенции, противопоставлявшей себя, как революционную антигезу второй России, в отношении к первой консервативной, но и в отношении к России правящей. Пропасть между народом и властью — господствовавшей Россией, — сказывалась уже в той постоянной войне, то скрытой и загнанной во внутрь, то явной, переходящей в грандиозные восстания и движения (пугачевщина, разиновщина и т. п.), которая красной нитью проходит через всю нашу историю. Этот разрыв, даже подчеркивавшийся господствовавшим классом путем чужеземного (французского) языка в качестве

«господского», путем широкого вовлечения иностранцев в состав правящего слоя, которым доступ туда был более открыт, чем выходцам из народа. Разве отдельные «Ломоносовы» не рассматривались как чудо, как феномен? Однако, вражда народа к правящей России была не только социально-политической, но, как известно, и культурно-религиозной — вспомним бесчисленные секты, расколы и проч. Вот почему в революцию, которая была, конечно же, восстанием самого народа, вместе с господствующим слоем был сброшен и весь его культурный, общественный и религиозный багаж. И теперь народ остался действительно голым.

Но откуда этот двойной отрыв, о котором — странно сказать — по своему так страстно мечтал Чаадаев, двойное отъединение народа и от старой дореволюционной России и от антиязызы ее — новой западной революции. России; почему народ не принял ни первой, ни второй России? В ответе на этот вопрос содержится установление величайшего отрицательного факта нашей истории. Этот факт, сделавший в известном смысле несчастной судьбу нашего народа, неудачной его историю, заключается в том, что оба жизненных источника нашего культурного и духовного питания были отравлены смертью, разложением. Наши периоды заимствований, — а их было два источника — византийский и западно-европейский — совпадают с периодами упадка, старческого омертвления соответственных культур. Естественно, что такие формы жизни, такие культурные ценности не могли овладеть душой народа, ибо это был бы противуестественный брак старца с юным существом, который, как такой, не может быть внутренним и жизнетворческим, а лишь внешним и насильническим. Как ценности западно-европейской культуры были у нас лишь предметом ввоза, — чем то внешним, привнесённым, а не выжитым, так и заимствования из Византии, были также только явлениями ввоза. Хорош в этом смысле безискусственный рассказ летописца о крещении Руси, когда нас попросту загнали в Днепр и окрестили.

Народ не принял, или принял лишь внешне, обе эти упадочные культуры, а внутренне остался в состоянии варварства,

которое и вышло на поверхность «скифством», когда экспортеры вместе со своими протухшими привозными товарами были изгнаны за негодностью этих товаров. Противоестественный брак таким образом, внутренне не состоялся и в этом наше спасение; но длительное пребывание в состоянии внешней связанности было воспринимается, как состояние изнасилования, рабства, которое и вылилось, в конце концов, в страшный, всеобщий бунт, в разрушение всего до основания.

Это одна сторона дела, сторона сопротивляемости народного организма разлагающему воздействию упадочных влияний. А вот другая сторона. — Мы вынуждены всячески сокращаться и не станем касаться всесторонне того, как отразилось это состояние на душе народа, на его истории, того в частности, что и официально-церковная вера была в народе всегда чем то лишь внешним и искусственным, — за чем крылось его первоначальное «язычество», — остановимся на другой стороне этих несчастных заимствований, не на тех, кто их не принял, а на тех, кто их осуществлял и служил проводником. Заимствуя формы и ценности упадочных культур, проводники заимствований, естественно, сами проникнулись духом упадочничества, духом предмета заимствований. Наш господствовавший класс никогда не был аристократией в духовно-творческом смысле слова. Он был не столько творческой категорией, сколько потребительской; категорией не долга и обязанностей, а привилегий и прав. Характерно, что в представлении и народа, и самих представителей наших высших слоев понятие члена этих слоев соединялось с понятием «барина», «пана» — понятием привилегированно-потребительским. Не долг, не обязанность, а барство — вот главное содержание нашей «аристократии». Крайне знаменательно, что наш господствовавший класс не создал своего рыцарства, как то имело место на западе. Для духа рыцарства, для духовного аристократизма нужна соответственная органическая культура, нужно **героическое мирозерцание**, которое присуще лишь восходящим стадиям культуры. В период упадка — культуры могут дать лишь упадочное материалистическое мирозерцание.

При таких условиях упадочности форм, как одного, так

и другого отслоения в наших заимствованиях, естественно, что все героическое, что было в народе, уходило в бунт, в отрицание, в нигилизм (исключительно русское явление), в секту. Ведь мы только и делали, что отрицали, бунтовали, изобличали, взрывали и т. п. Понятно, что именно из этой среды бунтарей, нигилистов выделилось и то лучшее, что было в народе — его действительная духовная аристократия, образовавшая подлинный орден нашей интеллигенции, которая была своеобразным рыцарством — лучшим и наиболее прекрасным образом в нашей истории.

В определенных кругах теперь слово «интеллигент» стало почти бранным. — Психологически это понятно: ведь это он взорвал на воздух гигантскую мертвую покрывку целого мира; но непонятно это логически, ибо интеллигента, браня, неизвестно почему, рядят в безвольный и никчемный образ Степана Трофимовича Верховенского, хотя причина ненависти при этом та, что это именно он учинил всероссийский страшный взрыв, что это также он, став во главе одной шестой земного шара, вот уже четырнадцать лет потрясает мир: — большевики ведь тоже интеллигенты! Не говоря уже о том, что в этом бичевании интеллигенции нашей мы бьем самих себя, ибо все же все мы интеллигенты, а не какиенибудь рабочие или крестьяне, так что не в комедии, а в жизни выходит что Гоголевская «унтер-офицерская вдова», сама себя сечет, не говоря об этом, опасном для нас же недомыслии, или зломыслии, — в нем содержится прежде всего, трубая ложь. Ибо, как и твердокаменные большевики, все эти сотни и тысячи террористов, бомбометателей, пропагандистов, шедших на каторгу, смерть, виселицу, отказывавшихся от личной жизни, семьи, прав и всего — все это были интеллигенты... И когда теперь какойнибудь заскорузлый — самодовольно тупой, или жалкий обыватель, часто шкурник до мозга костей, бранит «безволием», никчемностью», маниловщиной» и проч. прежнего интеллигента, то как то не знаешь — смеяться ли тут надо, или возмущаться!

Но трагедия нашей героической интеллигенции, являвшейся действительно орденом, вписавшей лучшую страницу в

нашу историю, состоит в том, что она не имела соответственного **героического миросозерцания**. Героическая в своей борьбе, в бунте, в отрицании, она для своих положительных утверждений пользовалась источником идей упадочной культуры. Будучи духовной аристократией, она пользовалась холопским, «плебейским» — в духовном смысле миросозерцанием, выродившимся в материалистическом марксизме в скотское миросозерцание.

В этом несоответствии героической психологии и упадочной идеологии, духовно-аристократической души и духовно-холопского сознания причина исторического срыва дела нашей интеллигенции. Благодаря ему — вождь в отрицаниях, в разрушении **старой жизни**, — она не смогла стать вождем в положительных утверждениях, в творчестве **новой жизни**. Народ не чувствовал духовно-идейного превосходства своих высших слоев — не только правящего, но и оппозиционно-интеллигентского. — Отсюда ненависть к «барину», и презрение к «интеллигенту». Этот конфликт, эта трагедия несоответствия между героической психологией и упадочной идеологией является трагедией и октябрьской революции.

Повторяем, причиной этому было то, что источником заимствований нашей «второй» — революционной России была упадочная з.-европ. цивилизация, как первой, дореволюционной России — упадочная византийская культура. И поэтому осуществление Третьей России, как грядущего нашего возрождения, невозможно без осуществления нового, творческого, **героического миросозерцания**, без которого не было ни одного исторического восхождения.

Из сказанного следует, что исторический спор нашего западничества и славянофильства не был спором его с последним, как с самобытничеством. На самом деле это был спор между европеизмом и византизмом. Действительное самобытничество возможно лишь теперь после революции, когда изблечена ложь и бессилие и тех, и других форм культуры. Стараясь выдерживать свои искания по линиям возможного **Синтеза** и европеизма, и восточничества, и византизма, тем не менее, **последовательными самобытниками** являемся лишь мы, ибо лишь

мы зовем на **новые пути**, лишь мы верим в новые высшие формы жизни, связывая их с призванием России. Меньше всего, как видим, самобытниками были евразийцы со своими попутчиками, — в одном отношении **подменивавшие** западничество восточничеством, в другом — европеизм-византизмом, идеалом до — петровской Руси.

В действительности исход России не на Востоке, как и не на Западе и тем менее в архаических остатках допетровской византийской Руси, — исход ее в единственно органической исторической направленности — в будущем, на путях творчества новых высших форм культуры.

С. К. Бережной.

Спрос и предложение

Национальное правительство Англии получило 471 голосов. Рабочая оппозиция с 7 миллионами за нее голосовавших — 49 голосов. Какой разгром! Какое подавляющее большинство! Оно доказывает далеко не только то, что народные массы тогда хотели смены полусоциалистического правительства, но нечто гораздо большее: зашатались основы национального существования грандиозной империи, дрогнуло величайшее здание мировой хозяйственной системы. В тревоге члены нации захотели прижаться друг к другу в национальном единении, ибо момент воистину трагический. Вот более глубокая причина победы Нац. правительства. Велик страх большинства — перед катастрофами и велик спрос на упорядочение жизни, на твердый «золотой» фунт.

Реакционные капиталисты всего мира еще и сегодня радуются. Английские массы надеялись и еще надеются и новое правительство «Его Величества» действительно вероятно еще осуществит «режим экономии», дальнейшее повышение протекционных баррикад, тайное или явное сокращение заработной платы и пособий, «твердую руку» в колониях и т. п. Но пройдет вре-